

Дворец Долгого Спокойствия

Императорский дворец Великой Ли отличался строгой геометричностью форм. Вдоль центральной оси, разделяя передние государственные палаты и внутренние покои, расположился Дворец Вечного Единения — личная резиденция Его Величества. Сразу за ним находился Дворец Вечной Радости, принадлежавший императрице, что символизировало её высокое и неоспоримое положение.

Однако ближе всех к покоям государя находился именно Дворец Долгого Спокойствия.

Он занимал всё восточное крыло. К западу от него разбита палаты сливовая роща, куда Благородная супруга любила выходить на прогулки в часы досуга. А сразу за восточными строениями начинался Дворец императорских сыновей — невероятно удобно, если матери вздумается призвать принцев к себе. Из одного этого расположения становилось очевидно, насколько безграничным благоволением государя пользовалась Благородная супруга Нин.

— Матушка, и зачем только ты велела мне возиться с этим Ли Наньчжу? — Двенадцатый принц отправил в рот кусочек изысканного лакомства. На пиру ему толком поесть так и не удалось. — Я как представлю, что придётся изображать дружелюбие и развлекать его, так сразу аппетит пропадает. Он же гээр! О чём мне с ним вообще разговаривать?

Благородная супруга Нин с неспешным изяществом разъяснила:

— Твой августейший отец чрезвычайно ценит клан Ли, да и к самому Ли Наньчжу питает искреннюю привязанность. Разве ты не видел, как императрица на приёме из кожи вон лезла, лишь бы выставить вперёд Седьмого принца?

— А ведь и правда! — хохотнул Двенадцатый принц. — Седьмой брат у нас вечно с головой в трудах, меня всегда игнорирует, а тут вдруг согласился возиться с Ли Наньчжу! Они что там делать собрались? Вышивать вместе, ха-ха-ха?

Благородная супруга взглянула на сына с неодобрением:

— В голове у тебя одна солома. Без выгоды там и пальцем бы не оправили. Раз императрица так рвётся пристроить к нему своего сына, значит, дело верное. Тебе тоже не помешает держаться поближе к уездному князю Ли.

Видя, что мать всерьёз рассердилась, Двенадцатый принц послушно закивал. Но, едва переступив порог Дворца Долгого Спокойствия, тут же проворчал своему евнуху:

— И о чём думает седьмой брат? Из-за него и мне теперь приходится выслуживаться. Я, принц, царский сын, должен убаживать какого-то уездного князя...

Слуга лишь понатливо поддакивал. Впрочем, про себя думал: «Так ведь то не простой князь, а любимец семьи Ли! Всякий, кто хоть боком касается клана Ли, в столице фигура не последняя».

В окрестностях императорского дворца

В час Петуха, в четвёртую четверть, дворцовые ворота заперлись на засов.

Ли Наньчжу уже сидел в экипаже. От выпитого на пиру вина к щекам приливал жар, поэтому он расслабленно откинулся на мягкие подушки, мысленно восстанавливая события прошедшего дня.

Молочный чай Сяо Няню передал.

С наступившим Новым годом Его Величество поздравил.

Своей усадьбы в столице у него нет, временно остановился у старшего брата — об этом он тоже обмолвился перед императором Юаньхэ прямо во время пира, так что все формальности улажены. Ни у кого теперь не найдётся повода обвинить его в нарушении устава.

Правда, стоит вспомнить, как при этих словах чуть изменилась улыбка императрицы... Учитывая, с каким рвением она подсовывала ему Седьмого принца, императрица явно разгадала замысел государя свести его с Яннinem.

«Впрочем, неважно. Как-никак, государыня — родная бабушка Сяо Няня».

Посчитав дело закрытым, Ли Наньчжу выбросил лишние мысли из головы и обратился к сидящей снаружи Циньцзяо:

— Я немного подремлю.

— Слушаюсь, господин, — отозвалась служанка и велела кучеру придержать коней.

Экипаж уездного князя Ли двигался неспешно, и вскоре его нагнал кортеж Шестого принца. Заметив, что передние экипажи идут слишком медленно, принц приподнял шторку:

— Что там произошло?

— Ваше Высочество, впереди экипаж уездного князя Ли, — почтительно склонился евнух.

Шестой принц взглянул на карету, освещённую вечерними сумерками. Колёса и упряжь явно

отличались от столичных. На мгновение его взгляд потемнел, но затем он произнёс:

— Не нужно торопиться, поедем вслед за ними.

Управляющий поместьем князя Ли, узнав слуг Шестого принца, слегка растерялся. Те явно уступали дорогу, но навязывать принцу свой темп казалось невыносимым. Он подобрался к карете Ли Наньчжу, чтобы спросить совета.

— Господин отдыхает, — ровным голосом ответила Циньцзяо. — Раз они уступают, проедем вперёд. Маленькое дело, не стоит беспокоить княжича.

И всё же она велела кучеру прибавить ходу.

Когда они добрались до усадьбы, хмель окончательно ударил Наньчжу в голову. Щёки горели, тело обмякло. Опираясь на руку Синь Сы, он выбрался из кареты. Смыслил он всё ещё чётко и на ходу поинтересовался:

— О чём там шумели снаружи, когда мы ехали?

— Господин, по дороге нам встретился кортеж Шестого принца, — ответила Циньцзяо. — Они притормозили и пропустили нас, а я велела кучеру ехать быстрее, чтобы не задерживать их.

Управляющий всё ещё нервничал, раздумывая, не следовало ли проявить больше почтения к коронованной особе.

— Ничего страшного, — небрежно отозвался Наньчжу. — Будь у него действительно срочное дело, он бы просто объехал мою карету. К тому же Шестой принц известен своей великодушной и утончённой натурой, славится соблазнительной красотой на всю столицу. Не станет же он мелочиться из-за такого пустяка.

Поддерживавший его Синь Сы едва не поперхнулся:

—... Господин, вообще-то говорят «славится добродетелью и умом», а не соблазнительной красотой.

Ли Наньчжу, пылая румяными щёками, гордо заявил:

— А я что? Я неотёсанный невежа из Чжаочжоу! Мне скидка полагается!

Синь Сы, понимая, что в хмельном состоянии спорить с хозяином бесполезно, лишь вздохнул:

— Ладно-ладно, вы у нас неотёсанный, вам всё можно. Только шаг поднимите, тут порог.

Девочка Чжу Лин уже ждала у дверей. Увидев качающегося господина, она сразу поняла: снова перебрал. Для него уже приготовили горячую воду и отвар от похмелья.

Управляющий же стоял во дворе, ошарашенно хлопая глазами.

— Управляющий Ли, вы человек в доме заслуженный, вашему верному служению князь безмерно доверяет, — негромко произнесла Циньцзяо. — Вы сами видите, наш господин необычного нрава. Не подумайте, что я пытаюсь вас учить, но подобные случаи теперь будут сплошь и рядом. Так что в будущем вся надежда на вас.

Управляющий долго приходил в себя, но постепенно в его глазах вспыхнул азарт.

Похоже, тихим и сонным это поместье больше не будет. Наступает весёлое время! Если сверху всё прикроют авторитет Великого князя и дерзость уездного княжича, то с мелкой сошкой и дворцовыми слугами он, управляющий, расправится шутя!

Дворец Долговечного Журавля

После кончины наследного принца император погрузился в глубокую скорбь. Не желая отсылать от себя единственную оставшуюся в живых плоть и кровь любимого сына, государь поселил внука в боковом павильоне Восточного дворца — Дворце Долговечного Журавля.

Идея названия и сама надпись на табличке принадлежали лично императору Юаньхэ, желавшему внуку долгих лет жизни. Дело в том, что когда покойный наследный принц ещё только ждал рождения сына, его супруга подверглась воздействию яда. И хотя доза оказалась невелика, младенец родился невероятно слабым. Все опасались, что мальчик не проживёт и пары лет.

И кто бы мог подумать, что после всех забот и усилий первым уйдёт сам наследный принц...

— Ваше Высочество, пора ужинать, — тихо подошла старшая няня.

Ли Яннйань сидел за письменным столом, не сводя глаз с расписной резной шкатулки.

Лаковая коробочка привлекала взор ярким рисунком: вместо привычных дворцовых орнаментов с драконами или пожеланиями удачи на ней были простыми, живыми штрихами нарисованы резвящиеся щенки и котята. Сразу видно — вещь из-за пределов запретного города.

Старшая няня была из старых слуг покойного принца. В своё время по воле государя она

сопровождала маленького принца в Чжаочжоу и прекрасно знала, какое особое место занимал уездный князь Ли в сердце её воспитанника.

— Это прислал уездный князь Ли, — с улыбкой молвила она. — Сказал, что это его любимый молочный чай. Ещё велел передать: если вскипятить его, да добавить кусочки таро, красные бобы и шарики из тапиоки, будет совсем вкусно.

Ли Яннень тихо отозвался:

— Хм.

Няня улыбнулась ещё теплее:

— Князь Ли действительно помнит о вас, Ваше Высочество. Из всех подношений, что отправились во дворец из Чжаочжоу, подобный подарок получили только вы. Не желаете опробовать прямо сейчас?

Юноша коснулся пальцами узора на крышке шкатулки, лицо его оставалось непроницаемым.

— Няня, подавай ужин.

— Слушаюсь, — откликнулась старушка.

Видя, как принц поднялся и направился к обеденному столу, она про себя недоумевала: ведь ему так хотелось попробовать этот чай, почему же он отказался?

Лишь когда юноша умылся и приготовился ко сну, няня всё поняла.

Лаковая шкатулка, прежде стоявшая на письменном столе, очутилась в спальне принца — прямо на столике у изголовья кровати, чтобы видеть её и перед сном, и сразу после пробуждения.

Старшая няня вздохнула про себя. Похоже, Его Высочество просто бережёт подарок. Лакомство ведь съешь — и ничего не останется.

Конечно, пока князь Ли находится в столице, всегда можно найти повод навестить его и попросить ещё. Но принц предпочитал хранить эту шкатулку как сокровище.

Поместье князя Ли

На следующий день Ли Наньчжу спал до тех пор, пока сам не открыл глаза. Сон был глубоким,

без сновидений, но из-за сухого и холодного столичного воздуха и жарко натопленной жаровни в горле пересохло.

— Который час?

Чжу Лин, услышав голос, вошла в комнату и достала из-за пазухи карманные часы:

— Господин, девять часов сорок шесть минут.

Напольные часы из Иботана с собой взять не удалось, пришлось довольствоваться заморскими карманными.

— Поваляюсь ещё немного, — пробормотал Наньчжу, укутываясь в одеяло по самые уши. — Каши не хочу, вчера ею только брюхо набил. Пусть крошат редьки, заправят уксусом да острой масляной заправкой, и сделают хрустящую масляную лепёшку.

Заказав лепёшку с острой закуской, Наньчжу больше ничего выдумывать не стал.

— Остальное — на усмотрение кухни.

Чжу Лин отправлялась к мастеру Ли. Шеф-повар Ли прибыл вместе с князем из Чжаочжоу, поэтому привычки и вкусы хозяина знал досконально. Услышав заказ, повар понимающе ухмыльнулся: видать, у господина в груди разгорелся сухой жар, захотелось чего-нибудь освежающего.

К одиннадцати часам утра ранний обед был подан. Ли Наньчжу, умытый и причёсанный, лениво развалился в кресле, подложив под поясницу мягкую подушку. На столе красовались золотистая, вкусно пахнущая лепёшка и пара свежих холодных закусок: пикантная редька и нежные, сочные побеги шпината с кунжутом.

За окном стояло начало февраля, замёрзшая за зиму земля всё ещё оставалась твёрдой как камень, и в такую стужу свежие овощи были невероятной роскошью. Найти мясо зимой в столице не составляло труда, но свежий шпинат...

Ли Наньчжу с удовольствием отправил в рот пару ложек:

— Откуда шпинат?

Хотя Наньчжу и слыл избалованным барчуком, в смене сезонов и крестьянском труде он разборчив был вполне.

— Утром господин Ли Муцзэ заезжал перед службой, сказал, что ему по пути, и привёз лично,
— ответила служанка.

Ли Наньчжу аж прослезился от умиления и проглотил ещё большую порцию:

— Ох, племянничек мой золотой! Родной ты мой!

Статус Ли Мукэ в глазах дяди стремительно упал, уступив место заботливому Ли Муцзэ.

Запомни, стоит только вспомнить человека — и он тут как тут. Едва Наньчжу расправился с едой, доложили о прибытии господина Ли.

Наньчжу радостно поднялся:

— Моему племяннику прощения не требуются, все свои!

Интересно, что ещё хорошего он принёс?

Ли Муцзэ вошёл в чиновничьем одеянии, с пустыми руками. Судя по тому, что он прибежал в обеденный перерыв, поесть он ещё не успел. Наньчжу сразу велел подать угощение:

— Что-то срочное случилось? Это обо мне?

Наньчжу даже задумался: «Да вроде я в последние дни вёл себя смирно, бед не творил...»

Ли Муцзэ уселся рядом с дядей и, чтобы не напугать его, произнёс как можно более мягко:

— Ничего страшного. Просто сегодня на утреннем приёме цензоры подали на тебя два доноса.

Ли Наньчжу замер на мгновение:

—???

— Ну, раз два, то и впрямь ерунда, — фыркнул Наньчжу, а затем из любопытства подался вперёд. — И в чём меня обвиняют? В том, что вчера лишний кубок выпил? Или что не отбил челом императрице? Или что назвал Седьмого принца старым? А может, обозвали меня развратником, который зарится на двенадцатилетнего сына уездного князя Цзя?

Всегда невозмутимый министр Ли Муцзэ лишился дара речи:

—... До такого доносы, к счастью, не дошли.

Поняв, что цензорские бумаги на этом фоне выглядят полной нелепицей, Муцзэ пояснил:

— Первый донос — за проживание в поместье Великого князя Ли, якобы это нарушение субординации. Второй — за спесь на Главной улице Великого Спокойствия, где ты якобы не уступил дорогу экипажу Шестого принца.

Вопрос с проживанием в поместье Наньчжу уладил ещё вчера во дворце, так что лишь восхитился своей предусмотрительностью. А услышав про второй донос, скривил губы точно так же, как делал его старший брат:

— Так я и знал! Все эти разговоры про его великодушие и утончённость — сплошная фальшь! Обычный хитрожопый старый прохвост!

Вчера сам дорогу уступил, а сегодня бежит жаловаться!

— Постой, а этот Шестой принц, небось, ещё и притворялся невинной овечкой и просил за меня прощения перед императором?

Ли Муцзэ коротко подтвердил:

—... Именно так.

Какая ещё «соблазнительная красота»?..

— Шестой принц заявил, что ты — уездный князь, и по закону вовсе не обязан уступать ему дорогу.

Ли Наньчжу, поражённый изощрённостью дворцовых интриг, только и смог всплеснуть руками:

— Вот ведь хитрый жук! Мало того, что строит из себя святошу, так ещё и перед государем выслужиться хотел. Рассчитывал, небось, что Его Величество растрогается и пожалует ему титул уездного князя?

Ли Муцзэ улыбнулся:

— Государь проницателен. Ничего он ему не дал.

Ли Наньчжу довольненько расплылся в улыбке:

— Ещё бы! Кто же виноват, что этот Шестой принц далеко не так мил и очарователен, как я!
Хе-хе-хе!

<http://bllate.org/book/19962/1990194>